

ской губернии. Ногайцы. Часть I. Ставрополь, 1883. С. 80–81; *Фарфоровский С.* Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. № 12. С. 191–192, 207.

⁹ *Керейтов Р.Х.* Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // Сов. этнография. 1980. № 2. С. 117–127.

¹⁰ [Алейников М.] Поверья ногайцев – Заведующего Мансуровским нормальным сельским училищем М. Алейникова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Отд. 2. Тифлис, 1893. С. 11.

¹¹ *Керейтов Р.Х.* Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 125.

¹² Поверья ногайцев... С. 14.

¹³ Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Л., 1992. Р. 194.

¹⁴ Государственный архив Ногайского района Республики Дагестан (далее – ГАНР). Ф. 1(170). Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 1об., 12; Ед.хр. 2. Л. 5об.–8об.

¹⁵ *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М., 1938. С. 33–34; *Гордлевский В.А.* Каракоюнлу (Из поездки в Макинское ханство) // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. 3. История и культура. М., 1962. С. 410.

¹⁶ *Гольдциэр И.* Указ. раб. С. 34.

¹⁷ ГАНР. Ф. 1(170). Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 12.

¹⁸ *Массэ А.* Ислам. Очерк истории. М., 1982. С. 78–79.

¹⁹ *Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М., 1967. С. 88, 94.

²⁰ *Резван Е.А.* Джум'а // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 68.

²¹ Ср. с основными положениями ваххабитского учения: *Васильев А.М.* Указ. раб. С. 101–113; *Милославский Г.В.* ал-Ваххабийя // Ислам. Энциклопедический словарь. С. 51.

²² *Бентковский И.* Указ. раб. С. 80–81; *Фарфоровский С.* Указ. раб. С. 191.

А.А. У а р л ы к а р о в. Nogai Steppe: Ethnos and Religion Today

The article is dedicated to the contemporary ethnic confessional situation in the Nogai steppe, the problems of religious renaissance and the ways of their solution.

© 1998 г., ЭО, № 3

А.А. Люцидарская

РУССКО-МАНСИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XVI–XVII в.

В истории межэтнических контактов народов Сибири качественно новый этап начался в конце XVI – первой половине XVII в. За этот относительно непродолжительный промежуток времени все основные группы коренного сибирского населения вошли в соприкосновение с представителями русской народности.

Первые контакты русских с уграми (манси и ханты) относятся к раннему периоду истории Московского государства. Сведения о племенах, именуемых «юграми», были получены ими от коми-зырян, живших на Печоре и Вычегде, дорогу же в Югру проложили торговые новгородцы еще в XI в. Земли угорских племен, обитавших в Приуралье, вошли в состав колониальных владений Великого Новгорода. Однако эта зависимость не была стабильной. Позже, с проникновением русского влияния на Урал и в Сибирь, отношения Московского государства с угорскими народами, проживавшими в Предуралье, на Урале и за Уральским хребтом, складывались неоднозначно и

подчас противоречиво. Тем не менее они укладывались в некую схему, отражающую концепцию московского правительства по отношению к народам Сибири, на которые распространялось влияние Русского государства.

В основе этой концепции лежало расширение территории с подчинением проживающих на ней народов и получение с них «мягкого золота», ценных мехов – той валюты, которая приносила государству большие прибыли, ибо меха высоко ценились в Западной Европе и были там во сто крат дороже, чем в Сибири. При этом правительство было заинтересовано в сохранении относительного мира с подчиненными народами, мира не только по отношению к московской власти, но и между коренным населением. Живя мирно и умножая свой род, подчиненные народы являли собой так называемое ясачное население, ежегодно пополнявшее казну. Поначалу небольшая, но со временем все более значительная часть покоренных сибирских народов, кроме того, пополняла гарнизоны первых сибирских городов-форпостов, вливаясь в когорту служилых государевых людей.

Вопросы, связанные с проникновением русских в угорские земли, становлением русско-угорских отношений, нашли достойное освещение в работе выдающегося исследователя Сибири С.В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.»¹. Будучи блестящим знатоком источников, он создал ту базовую основу, без которой не обходится ныне ни одно серьезное исследование Сибири феодальной эпохи. Восстанавливая на документальном материале социально-политическую историю угорских военно-потестарных организаций – княжеств, их взаимоотношения на протяжении двух веков с Русским государством, С.В. Бахрушин, естественно, не мог раскрыть до конца весь комплекс проблем, возникших в результате взаимодействия русских с уграми. Между тем специальных исследований на эту тему кроме труда С.В. Бахрушина по существу нет.

Так или иначе историки и этнографы обращались к этой проблематике, но лишь постольку, поскольку взаимоотношения русских и угров являлись некой составляющей для основного предмета исследования². Следует отметить монографии И.И. Огрызко о христианизации народов тобольского Севера и Н.А. Миненко о социально-экономических процессах в Северо-Западной Сибири³. Однако эти работы при всех их достоинствах посвящены не первоначальному этапу складывания русско-угорских отношений, а более позднему периоду, когда процесс в определенной степени уже стабилизировался и в большей степени, нежели в период первоначального заселения Сибири русскими, зависел от государственных структур.

Автора же данной статьи в большей мере интересует именно этот начальный этап, когда русские и коренные обитатели Сибири открывали для себя друг друга. Этот отнюдь не безболезненный процесс был сопряжен со многими факторами, которые было бы слишком просто охарактеризовать только как «положительные» или «отрицательные» в истории Сибири. Этот аспект предложен в настоящей статье в качестве постановки вопроса.

Русские и угры на протяжении нескольких веков – тема исследования политической, социальной и духовной жизни двух народов; это неразрешенный до сих пор вопрос столкновения и взаимопринятия менталитетов народов, стоящих на разном уровне политического и социального развития. Остановимся на некоторых аспектах этой проблемы, где предметом рассмотрения будут взаимоотношения народа манси и первых русских поселенцев Сибири.

Правильным, на наш взгляд, следует считать положение, высказанное А.А. Преображенским: «Идя за Урал и далее в Сибирь, трудовой русский человек не искал столкновений с местным населением, он не преследовал цели истребления коренных жителей. Не имело таких целей и царское правительство, поскольку оно пеклось о приобретении новых "землиц", способных поставлять меха в государеву казну...»⁴.

К 80-м годам XVI в. восточные пределы Русского государства непосредственно соприкасались с землями Сибирского ханства. Сколь-нибудь определенной границы тогда не существовало. Уральские же владения России того времени включали

обширный Камско-Печорский край, издавна известный под названием Перми Великой. Центром ее считался г. Чердынь на Каме, а коренное население состояло из коми-пермяков, вогулов (манси), остяков (ханты) и татар – переселенцев из Казанского края⁵.

В конце 50-х – 60-е годы XVI столетия земли по рекам Каме, Лысьве, Чусовой получили в свое владение Строгановы. А к 80-м годам XVI в. уже существовало обширное, хотя и малонаселенное «государство в государстве» наследников Аники Строганова, первым получившего право на владение здесь землями от Ивана Грозного⁶. К этому времени, полагаем, можно отнести первые устойчивые контакты мансийского населения с русскими, причем уже не только в области торговли и обмена: это было проживание бок о бок с русскими. При этом политическая и экономическая обстановка в районе Предуралья и на Урале все более способствовала таким тесным контактам.

В 1570 г. в Москве на приеме у земских бояр великопермский наместник князь Никита Ромадановский объявил, что грамоту сибирского хана, с которой он и приехал в столицу, вручил ему в Перми «гогулятин из Конды Ивака Ивакин сын» из Пельима⁷. Так волею судеб и политических хитросплетений кондинский манси в 1570 г. встретился с царским наместником, выполняя роль посредника между московским правительством и сибирским ханом.

Уже в этот период, предшествующий покорению Сибири, сложившаяся здесь обстановка вовлекла определенную, пока очень незначительную часть манси в сферу военно-политических действий. Царская грамота 1572 г. для обороны восточных границ и самостоятельных наступательных операций против сибирского хана давала Строгановым право набирать военные отряды из «охочих казаков», среди которых наряду с другими народами, проживающими в этом регионе, были и вогулы (манси)⁸. Таким образом, это был первый опыт создания военных отрядов, куда наряду с русскими входили и представители аборигенного населения.

Следует заметить, что в 80-е годы XVI в. обострились отношения между Строгановыми и пельымским князем, в результате набегов которого были разорены русские поселения Строгановых. Такова противоречивая обстановка того времени.

Угорские народы в период военных конфликтов страдали от разорения со стороны сибирского хана Кучума. Поэтому естественной была мысль искать поддержки и защиты у Русского государства. Ценой за нее была дань, ибо угры оказались между двух огней: русскими, с одной стороны, и татарским Сибирским ханством – с другой. После падения царства Кучума власть Московского государства над угорскими княжествами стала неоспоримой, хотя всплески борьбы за уже явно утопическую самостоятельность наблюдались на протяжении всего XVII столетия⁹.

Итак, ко времени победы над Кучумом и появления первых русских форпостов в Сибири манси уже имели и опыт мирного общения с русскими (благодаря торговле с новгородцами, Пермью Великой, строгановскими вотчинами), и, конечно, печальный опыт вооруженных столкновений с ними. И если все это вместе взятое следует отнести к предыстории русско-угорских отношений, то начиная с XVII в. можно говорить о складывании и развитии этих отношений, которые продолжают оставаться непростыми по сей день.

Базируясь преимущественно на источниках конца XVI – начала XVII в. и основополагающей работе С.В. Бахрушина, попытаемся определить зоны взаимодействий и взаимовлияний русских и манси (иными словами, где, как и при каких обстоятельствах чаще всего происходили контакты между ними).

Вполне естественно, что в первую очередь влияние русских испытали на себе группы манси, живущие на Урале, по ту и другую стороны хребта. Уже первые верхотурские грамоты содержат сведения о сборе ясака с чусовских вогулов и остяков. В литературе достаточно известна грамота Бориса Годунова 1598 г., посланная в связи с расследованием дела о злоупотреблениях при сборе ясака. Результаты расследования были в пользу ясачного населения: поровновавшийся сборщик ясака

был отстранен, а местным властям наказывалось найти на Верхотурье «сына боярского, который бы был добр, и прост, и душою прям, и кому мочно во всем в нашем верить...»¹⁰. Такого человека велено было послать с толмачем в остяцкие и вогульские юрты для дальнейшего сыску и для того чтобы довести до сведения ясачных, что чинивший им притеснения сборщик отставлен от должности.

Этот документ примечателен своей типичностью. В более поздних материалах XVII в. подобных прецедентов множество. Правительство, как правило, отстраняло и наказывало тех, кто стоял у ясачной кормушки и занимался грабежом инородцев, ибо подобные злоупотребления сказывались не только на состоянии казны, но и на политическом климате в регионе, угрожая военными конфликтами. Конечно, остается открытым вопрос: всегда ли местные власти действовали в унисон с правительством?

Интересный момент в приведенном выше документе, на наш взгляд, заключается в том, что, говоря современным языком, возбудил дело против зарвавшегося сборщика «Чусовской слободы от Успенья пречистые Богородицы старец Ларион». Можно много рассуждать о том, почему именно он написал донос на сборщика ясака: быть может, тот нанес обиду и старцу, а возможно, благочестивого Лариона попросили это сделать те слободчики, которые затаили на сборщика обиду. Наиболее вероятно, что ясачные, видя доброжелательность к ним грамотного старца, пришли к нему с просьбой написать донос. Ясно одно: старец потратил не один час, общаясь (через переводчика или самостоятельно) с ясачными людьми, вник в их проблемы и подробнейшим образом составил «извет» так, что на него сразу же серьезно отреагировали.

Уже сама система сбора ясака предполагала возможность русско-угорских контактов самого разного уровня – от общения со сборщиками и вплоть до административной воеводской верхушки, а также с самыми разными людьми, оказавшимися втянутыми в эти отношения. Чтобы избежать превышения полномочий и злоупотреблений при сборе ясака на местах, власти практиковали приход ясачных для сдачи городины в казну непосредственно в город. В начале XVII в. верхотурские ясачные люди в своем челобитье жаловались в Москву на то, что верхотурские сборщики ясака, приезжая в юрты «... живут де у них... не съезжая, от перемены до перемены, и живучи у них чинят им продажи и убытки великие, правят на них корм, а емлют за хлеб по гривне, а за калач по два алтына, и емлют от юрта до юрта подводы, и езда по юртам, велят на себя меды ставить...»¹¹. Поэтому ясачные сами были заинтересованы в том, чтобы самостоятельно сдавать ясак.

Итак, поездки ясатчиков по юртам, как видно из приведенного выше документа, предполагали длительное их общение с местным населением. Наконец, представители ясачных, как правило, «лучшие люди», т.е. наиболее богатые и родовитые, приезжали для сдачи мехов в государственную казну в города и некоторое время жили среди городского населения Сибири. Нередки случаи, когда «лучшие люди» из хантов и манси сопровождали казну не только в Верхотурье, Тобольск, но и в столицу государства. Думается, что такие поездки через огромную территорию не могли не влиять на расширение кругозора не только отдельных представителей хантов и манси, но и угров в целом, ибо рассказы о таких путешествиях, безусловно, вызывали большой интерес. Эти рассказы, преломляясь через призму традиционного мировоззрения жителя укромных уголков Урала или Обского Севера, создавали свой причудливый мир. Все это тем или иным образом входило в копилку духовной культуры, находя отражение в устном народном творчестве, прежде всего в сказках, где действуют цари и царские дочери, описываются дворцы и города. Крупницы этих представлений народа можно отыскать и поныне, правда, в интерпретации более позднего времени.

Например, из мансийской сказки, записанной В. Чернецовым в 1933 г. на Сосьве¹², мы узнаем следующее. «Бедный народ думает: "Есть ли где какой-нибудь царь? Сходить как-нибудь туда". И никто не знает, есть где-нибудь царь или нет. Очень

тяжело было жить мансийскому народу. Один человек думает: "Сходить бы мне куда-нибудь"».

Далее герой засыпает и видит во сне, «как нужно пойти и, что царю отнести, и о чем будет царь спрашивать...». Добыв черно-бурую лисицу и захватив с собой черную соболя, герой сказки отправляется к царю. После ряда приключений он наконец достигает царских палат. «Смотрит, пол, как золото... Подошел к царю. Одной рукой отдал ему черно-бурую лисицу, другой рукой с царем здоровается. Царь говорит: "Садись, миленький"».

В результате встречи с царем герой разбогател, поделился деньгами с бедными людьми и напоследок заявил царю: «Я хочу, пожалуйста, домой идти», а царь ему в ответ: «Ладно, ступай. Домой приедешь, станешь князем жить, хозяином на своей собственной земле».

Вряд ли это самобытное произведение можно объяснить только влиянием русского фольклора на мансийский. Истоки приведенной сказки, на наш взгляд, следует искать в далеком XVII в.

В этой связи представляют интерес документы 1634 г., повествующие о прибытии в Москву «верхотурских ясачных вогуличей» Данилки Тавдыкова и Учаги Ченгашева, которые приехали в столицу для «бережения государевой ясачной казны» и в качестве челобитчиков от вогул своей волости. Сотник Д. Тавдыков и ясачный У. Ченгашев были в своих волостях «лучшими людьми». Приехав в Москву, они просили государя, чтобы он «пожаловал их своим выходом». Документ прямо не указывает, принял ли их царь, но, судя по всему, ясачные вогулы удостоились такой чести. Источник также повествует, что в предыдущем году быть на «красном крыльце у государевой руки» довелось березовским ясачным людям.

За время своего довольно длительного пребывания в столице ясачные получали государево жалованье деньгами, а также «... питья с сытного двора по 5 чарок вина, по четверти ведра пива, по четверти ведра меду на человека». Верхотурские гости получали, кроме того, «по сукну доброму на человека». Выданы были им и деньги на обратную дорогу¹³. Приложившись на красном крыльце к царской руке, одаренные питьем и подарками, нагнавшись на столичное житье и московские порядки, манси отправлялись в далекий путь обратно в Сибирь, переполненные впечатлениями, которым уготована была долгая жизнь в мансийском фольклоре.

Поездки в Москву представителей ясачного населения, в том числе и угорского, не были редкостью или исключением. Это подтверждают многие источники. Одно из наиболее ранних известий такого рода датировано 1600 г. В это время из Москвы был отправлен «Пелымского города вогулятин Абакумко Чалдин», который вместе со служилым человеком Г. Лаврентьевым сопровождал в Верхотурье ссыльного¹⁴.

Неизбежные злоупотребления ясачных сборщиков служили постоянным поводом к выяснению отношений. Положение было таково, что ясачные имели право (и пользовались им постоянно) жаловаться властям на обидчиков. И хотя далеко не всегда воеводская и московская власти принимали действительно радикальные меры, наличие самого права писать челобитные и искать справедливого суда формировали характер общения ясачных с новыми хозяевами Сибири. Чтобы написать челобитье, необходимо было обратиться к грамотному человеку: представителю духовенства (вспомним пример со слободским старцем), к кому-нибудь из окружения воеводской администрации, просто грамотному служилому человеку, пользующемуся уважением купцу или, наконец, что чаще всего бывало, – к толмачу. Затем обычно выбиралось несколько человек из числа «лучших людей», для того чтобы доставить эту челобитную в съезжую избу, а если представлялась возможность, то и в Москву.

Анализируя многочисленные материалы Сибирского приказа XVII в., нетрудно заметить, что челобитные «сибирских инородцев» составляют значительную часть всего массива документов. Следует отметить, что при составлении челобития коренные жители Сибири знакомились с совершенно чуждой им традицией письменного изложения. Происходило как бы столкновение двух типов культуры: для одного

исключалась традиция письменной информации, для другого, а именно русского, эта традиция с усилением государственности набирала силу. Посредниками в этом «столкновении» в XVII в. служили толмачи, имевшиеся в каждом городе и в каждом гарнизоне укрепленного форпоста.

Сферой налаживания контактов между русскими и уграми были не только районы совместного проживания, но и общая хозяйственная деятельность – охота, рыболовство, земледелие, извоз, строительные работы, добыча полезных ископаемых и многое другое.

Первые контакты такого рода были обусловлены появлением строгановских вотчин на Урале. Из содержания грамоты Бориса Годунова 1599 г. видно, что строгановские крестьяне поддерживали с вогулами прямые связи. Вогулы покупали у крестьян лошадей и овец, причем зачастую по закладным, давая кабальные записи на своих детей и жен¹⁵. Тем же временем датируется другая грамота Годунова, из которой следует, что верхотурские вогуличи, получившие земельные владения по р. Косье (сенные покосы, рыбные ловли, лесные угодья) «...тою рекою сами мало владеют, отдают покосы в наем пермичам»¹⁶. На основании этого факта верхотурские «жилицкие» люди просили отдать эти угодья им в пользование.

Москва попыталась найти компромиссное решение, которое бы устраивало всех: «... а буде у вагулич оприч тое реки иных угодий таких мест нет, и вы бы вагуличам с верхотурскими строгановскими людьми... по той реке по Косье сенные покосы и звериные ловли и всякие угодья поделили как будет доведетца, чтобы вагуличам в том тесноты не было. А верхотурским торговым людям потому ж в том нужи не было»¹⁷.

Из грамоты 1600 г. известно, что некоторые родовые земли манси в результате проникновения русских оказывались в самом центре хозяйственного освоения этого региона русскими. Так, угодья, принадлежащие косвинскому вогулу Алею, лежали «среди волоку верхотурского». Верхотурский волок был чрезвычайно оживленным местом; его не напрасно называли «воротами в Сибирь». Здесь проходил самый разный народ – торговцы, промышленные ватаги зверодобытчиков, гуляющий люд и, конечно же, государевы служилые люди. Наследник владельца косвинской вотчины жаловался русским властям, что в отцовские угодья «ходят пермичи и усольцы и зверя бьют, и сенные покосы косят насильством»¹⁸. Надо полагать, что подобная участь постигла не только земли манси Алея.

Существовала практика использования труда манси на соляных промыслах. Эта работа для охотников и рыболовов была, как говорили в XVII в., «не за обычаем» и по вполне понятным причинам вызывала протест. Поэтому царской грамотой 1600 г. запрещалось привлекать вогул на такие работы: «... Вогулич к соляному промыслу не посылал (бы), чтоб их не ожесточить»¹⁹. Из ряда документов²⁰ известно, что в 1605 г. манси намеревались сжечь Неглинский соляной помысел.

К каким бы негативным последствиям ни приводили попытки сибирской администрации и Строгановых привлекать манси на подобного рода работы, нельзя не учитывать опыт коллективного общения манси с русскими солеварями и пашенными крестьянами, а также получение ими на промыслах новых трудовых навыков.

Долгая практика совместного проживания людей разных культур с различными нравственными установками, правовыми нормами, религиозными представлениями могла привести или к атмосфере определенной терпимости, или к деградации в сложившихся условиях того меньшинства, каким являлись на соляных разработках манси. Представители коренного населения, принудительно привлеченные к несвойственной им деятельности, не были на положении рабов. Формально они участвовали в соледобыче наравне с представителями других групп русского (возможно, и татарского) населения.

Необходимо заметить, что подобным же образом коренных жителей использовали для заготовок строительного леса. Это занятие никакого сопротивления со стороны лесных обитателей – манси и хантов – не вызывало. В документах нигде не отмечено

недовольство коренного населения края участием в лесозаготовках. Такого рода деятельность, по всей вероятности, была обитателям лесов гораздо ближе и понятнее.

Привлекались манси и для поиска новых угодий. Так, в 1622 г. в Пелым была послана «наказная память» служилым людям с наказом присмотреть новые пашенные земли. Для этой цели пелымский подьячий П. Степанов, стрелец Т. Захаров и пашенный крестьянин П. Неверов должны были взять с собой из Елышевых и Елбодинских юрт «вогулич человек 5–6 или сколько будет пригоже», которые хорошо знали бы места и поехали бы вместе с ними для осмотра подходящих угодий²¹. Любопытно, что перечисленные выше русские обходились в данном случае без толмача. По всей видимости, кто-то из них так или иначе знал мансийский язык.

Интересны царские грамоты 1603 г. о расселении присланных с Руси плотников по вогульским юртам. Плотничали в Сибири, как правило, выходцы из поморских городов, которым «плотницкое дело было за обычай». В 1603 г. 50 плотников были расселены в самой непосредственной близости от жилья вогулов²².

Русские поселенцы теснили аборигенов, заставляя их покидать места обитания и уходить от вновь возникавших русских поселений. Однако наличие огромных малозаселенных пространств сглаживало эту проблему и сводило до минимума возможные столкновения²³. Так, крестьяне уральской Краснополюской слободы в одной из челобитных писали, что после их поселения во вновь созданной слободе окрестные вогуличи «на озеро и на истоки рыбу ловить пускали и в лесу тетерь ловить пускали же, спон и запреху с ними не бывало, жили в совете»²⁴.

Целый ряд других документов показывает, что подобная идиллическая картина имела место далеко не всегда и не везде. Но уже одно то, что «мирное сосуществование» в промысловых угодьях было возможно, говорит о многом. Вполне вероятно, что в каждом конкретном случае подобного соседства немаловажную роль играл этнический и социальный состав новопоселенцев.

Торговлю справедливо называют самым древним и устойчивым средством общения. Торговые связи угорских народов с Новгородом, как уже отмечалось выше, существовали задолго до внедрения русских в Сибирь. В конце XVI – начале XVII столетия торговля с русскими стала для манси неотъемлемой частью существования. У русских они покупали и меняли на меха необычайно ценившиеся ими железные и медные предметы: оружие, топоры, котлы и т.п. Покупали и одежду, а в дальнейшем хлеб. Никакие правительственные меры по ограничению торговли приезжих купцов и русских поселенцев не могли остановить этот процесс, ибо он был взаимовыгоден: русским он приносил баснословные барыши, а аборигенам давал возможность приобретать ставшие жизненно необходимыми вещи.

Правительство на протяжении веков пыталось урегулировать, взять под контроль торговлю с коренным населением Сибири. Оно старалось не допустить чрезмерного обогащения купцов и обнищания аборигенов, так как и то, и другое сказывалось на состоянии казны – ценные меха уходили торговцам, нередко за долги, за кабальные записи, а результатом был недобор ясака.

Торговля русских с манси осуществлялась двумя путями: либо купцы приезжали с товаром в мансийские юрты, либо манси приходили в города с целью приобретения необходимых вещей. Первое практиковалось значительно чаще, так как не каждый вогул мог без особого труда попасть в город. В свою очередь торговцам выгоднее было осуществлять сделки подальше от глаз воеводской администрации. Правительственные меры пресечения бесконтрольной торговли по существу оказывались несостоятельными. Ходили к вогуличам с торгом не только купцы по званию, но и представители всех слоев населения сибирских городов, желающие поживиться на неэквивалентном обмене.

Уже грамота Бориса Годунова 1600 г. запрещала русским купцам торговать помимо гостиного двора с ясачным населением до времени уплаты ясака. В грамоте давался строгий наказ, чтобы ясачные «по юртам и по волостям, и по речкам тайно с

русскими людьми не торговали». В свою очередь купцам вменялось в обязанность осуществлять сделки, «приходя со всякими товарами и с мягкой рухлядью на Верхотурье, на нашем гостинном дворе», где с сибирской пушнины собиралась десятина в пользу государства. В этой же грамоте указывалось, что торговые пермичи и люди из строгановских слобод, как торговцы, так и крестьяне, «в Верхотурский уезд по рекам, и по речкам, и по юртам, и по волостям ходят торговати со всякими товары тайно», не являясь для уплаты пошлины на Верхотурский гостинный двор, и «живут по вогульским юртам не выходя». Отмечалось в грамоте также, что в свою очередь ясачные, прибыв с ясаком в Пермь Великую, назад не торопились, «живут в Перми потомуж не выходя»²⁵.

Таким образом, общение с местным населением представляло собой достаточно длительный процесс не только обмена товарами, но и информацией. Невозможно было месяцами жить по юртам среди вогул или в городах среди русских (если речь идет о коренных жителях), не усваивая элементы доселе чужой культуры. Какие бы злоупотребления со стороны русских торговцев не совершались, какое бы неудовольствие не испытывали аборигены, и тем и другим приходилось приспособляться друг к другу, вырабатывать идеологию терпимости, ибо они нуждались друг в друге.

Следует заметить, что определение «русские торговцы» достаточно условно, ведь среди торговавших был значительный процент коми-зырян, татар и людей различной этнической принадлежности, волею судеб попавших в Сибирь. Этот момент хочется еще раз подчеркнуть, ибо, на наш взгляд, именно этническая неоднородность «завоевателей Сибири» послужила основой для относительно мирного сосуществования пришельцев с аборигенами. И поскольку «покорители Сибири» не являлись в этническом плане неким монолитом, постольку не было жесткого противопоставления «мы – они» по отношению к инородцам²⁶.

В данной статье отмечен ряд аспектов взаимодействия русских и угров на начальном этапе колонизации Сибири. Они, несомненно, играли важную роль в складывании русско-угорских отношений. Вместе с тем эти взаимодействия, влияя на жизненный уклад аборигенов края, никоим образом не ломали ни общественных отношений, ни хозяйственного уклада, ни мировоззрения коренных жителей. Христианизация в XVII в. проходила достаточно формально и зачастую сводилась к тому, что манси или ханты приобретали русское имя. Этим все и ограничивалось. Внедрение в быт манси христианской обрядности впоследствии приводило лишь к тому, что лики русских икон приспособлявали к мансийскому пантеону богов и духов, им приносились жертвоприношения, а традиционных домашних духов (*лубы*) дополнительно угощали на «Паскин день» (на Пасху)²⁷.

Между тем существует еще один аспект рассматриваемых нами отношений или взаимодействий. Он затрагивал лишь незначительную часть коренного населения, однако способствовал коренной ломке мировоззрения, по сути смене культуры. Речь идет о внедрении аборигенов края в ряды служилого сословия.

Сибирские служилые люди – дети боярские, конные и пешие казаки, стрельцы – являлись в первоначальный период освоения Сибири наиболее значимой группой в составе русского населения. По-видимому, до середины XVII в. это была вообще наиболее многочисленная группа переселенцев. Служилые люди играли важную роль и в хозяйственном освоении края, выступая в ряде регионов в качестве ведущей группы в торговле и становлении промышленности. Наконец, они занимали высокое место в сословной структуре населения Сибири, выполняя широкий круг административных и политических функций. Сам характер их профессиональной деятельности способствовал постоянным контактам с коренными жителями края и сопредельных территорий. На протяжении всего периода первоначального освоения Сибири русскими гарнизоны новых городов и острожков пополнялись «новокрещенными», т.е. крещеными аборигенами²⁸.

Попав в служилую среду, манси, ханты или представители иной народности,

подвергали свое сознание определенной ломке. В противном случае они вынуждены были добровольно или принудительно распрощаться со статусом служилого человека, ибо от служилого инородца требовалось соблюдение присущих служилому сословию определенных норм, навыков, поведенческих установок. Уже невозможно было оставаться «условным христианином» – необходимо было хотя бы формально следовать догмам православной религии.

В большинстве случаев служилые «новокрещены» так или иначе порывали тесные связи с родичами, подвергались культурной и языковой ассимиляции. Этот очень сложный процесс требует специального всестороннего-серьезного исследования на базе архивных материалов, доставшихся нам в наследство от далекой эпохи XVII столетия. Именно в это время происходила выработка социально обусловленных психологических установок на восприятие коренного населения как культурно иной общности, с которой не только возможны, но и желательны контакты в хозяйственной, бытовой, социальной сферах, учитывающие степень и характер различия между структурами и содержанием тех или иных элементов культуры как с одной, так и с другой стороны. Несомненно, именно в период первоначального освоения Сибири русскими были заложены основы обоюдозащитного обмена культурными ценностями между новопоселенцами и коренным населением края.

Примечания

¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 86–152.

² См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. Новосибирск, 1990; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.

³ Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

⁴ Преображенский А.А. Указ. раб. С. 171.

⁵ Там же. С. 15, 16.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Т. 1. М., 1982. С. 21–28.

¹¹ Акты исторические (далее – АИ). Т. II. № 62. С. 7.

¹² Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 380–388.

¹³ Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Кн. 172. Л. 11–20.

¹⁴ Верхотурские грамоты... № 30. С. 65.

¹⁵ Там же, № 13. С. 39.

¹⁶ Там же № 18. С. 47–49.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. № 21. С. 51.

¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 163.

²⁰ Верхотурские грамоты... № 47. С. 187–189.

²¹ Там же. № 186. С. 287.

²² АИ. Т. II. № 40, 42.

²³ Преображенский А.А. Указ. раб. С. 167.

²⁴ Там же.

²⁵ Верхотурские грамоты... № 26. С. 59.

²⁶ См.: Курилов В.Н., Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1985. С. 26–43; Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1982.

²⁷ Гемуев И.Н. Указ. раб. С. 172.

²⁸ См.: Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Указ. раб. С. 26–43; Люцидарская А.А. Указ. раб.; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.

On the example of the Ugric (Khanty and Mansy) the author exposes the most important points of contact of these peoples with colonists-migrants. First of all these relations formed during the realization of «yasachnaya» politic. Joint economic activity and trade. Occurring every there aborigine's entry into service class leaded to the radical turn of their world outlook. Since the late 16th till the middle 17th was founded the basis of mutual good change of cultural values between the colonists and the native people of this land.

© 1998 г., ЭО, № 3

А.А. Сирина

ВОЗВРАЩАЯ АБОРИГЕНАМ ЗЕМЛЮ

(Северная Территория Австралии)*

Опыт борьбы австралийских аборигенов за экономические, земельные и политические права, ее успехи и неудачи представляют большой интерес для российской аудитории как один из возможных путей и способов решения проблем, возникающих в результате контактов так называемых аборигенных обществ с обществами европейскими, урбанизированными. Эти контакты возникают в период колонизации и продолжаются в ходе последующих миграций. Такие контакты известны во всем мире, и возникающие проблемы решаются по-разному в США и Канаде, России и Австралии. Это обусловлено историческим своеобразием колонизации различных регионов мира, ее особенностями, связанными с комплексом разнообразных факторов, начиная от географических, природно-климатических условий колонизованных территорий, этнического своеобразия населяющих эти земли народов и заканчивая особенностями государственного устройства, экономической системы и земельных отношений колонизирующего этноса.

Австралия сделала крутой поворот в аборигенной политике в 1972 г., когда к власти пришло лейбористское правительство Г.Э. Уитлэма. От политики, в которой последовательно сменялись истребление, контроль, ассимиляция и патернализм, государство перешло к политике аборигенного самоуправления и самоопределения. Ее началу предшествовала поддержанная белыми энтузиастами борьба австралийских аборигенов за признание земельных прав. При этом предполагалось, что традиционные земельные нормы аборигенов ко второй половине XX в. в значительной степени сохранились, несмотря на то, что многие их группы были физически уничтожены, рассеялись вне родовых территорий, мигрировали, смешались с другими группами населения.

В данной статье я хотела бы проанализировать опыт функционирования Закона о земельных правах аборигенов Северной Территории 1976 г. на основе как литературных источников, так и собственных наблюдений и впечатлений, сделанных в Австралии в 1994 г. Работа велась в Северо-Австралийском исследовательском центре (г. Дарвин) на средства, выделенные Австралийским национальным университетом. Неоценимую помощь мне оказали австралийские социальные антропологи Д. Роуз и Д. Льюис.

Хотя еще в 1985 г. общество не было готово к такому шагу, как возможность дарования аборигенам по всей Австралии земельных прав (из выборочно опрошенных австралийцев 18% высказались «за», 52% были «слегка против» и 24% –

* Выражаю признательность О.А. Артемовой и В.А. Шнирельману за предварительное прочтение статьи и сделанные замечания.